

ростепенными подробностями, непонятными русскому читателю реминисценциями и не представлявшими для него интереса именами. В частности, он сократил описание концерта итальянской музыки, на фоне которого происходило свидание Карла VII с Агнесой Сорель, опустил намек на Самюэля Бернара, исключил упоминания «Mercure de France» и «Journal de Trévoux, юриста Жака Кюжаса, проповедника и оратора Жан-Батиста Масийона, иезуита Жирана, священника Юрбена Грандье, сожженного на костре в 1629 г., и т. д.

Целью Ефимьева было сохранить вольтеровскую манеру повествования, передать столь характерную для поэмы непринужденность тона. И это ему удалось если не в полной, то в значительной мере, в первую очередь с помощью широкого использования просторечья и разговорных интонаций, сильно ожививших его александрийский стих (Вольтер применил более подвижный и гибкий десятистопный). Вот, например, как звучал в его переводе диалог короля, опечаленного потерей возлюбленной, и его приближенного-сводника Бонно (песнь X):

Ваше Величество!.. Как я проговорю:
Беда... Несчастье, какого не бывало,
Возьми письмо назад, о, князь мой! все пропало,
Мужайся, кротостью достойной государь.
— Да видел ли мою, скажи ты мне, сударку? —
Со страхом Карл спросил. — Ах, нет, великий царь!
Британцы взяли в плен Агнесу и Жан д'Арку.¹³

Перевод Ефимьева был прерван на середине одиннадцатой песни и, следовательно, не мог заменить старый, прозаический. Отсюда их длительное сосуществование, прекратившееся, по-видимому, лишь на рубеже 1830—1840-х годов, когда прозаический перевод совершенно устарел.¹⁴ Но и перевод поэтический вскоре начал терять свою привлекательность, причем интерес к нему не возродился даже после того, как его продолжил и завершил Ипполит Стремоухов.¹⁵ Из живого литературного явления труд «полковника Ефимьева» постепенно превращался в «памятник» — образец отечественного вольномыслия «давно минувших дней».

Впервые на русском языке «Орлеанская девственница» увидела свет уже в советское время, в 1924 г.

¹³ ИРЛИ, ф. 388, оп. 1, № 40, л. 134.

¹⁴ В этой связи см. любопытную запись от 12 января 1835 г. некоего Ивана Еремеева. Окончив переписку «старого» перевода и добавив к нему одну песнь из перевода «нового», он заметил: «Очень жаль, что этой знаменитой поэмы переведено полковником Ефимьевым только десять песней такими прекрасными и звучными стихами, а мне удалось списать одну пятую песнь» (ГПБ, ф. 341, № 419, л. 143).

¹⁵ Один из списков перевода Стремоухова (сделанного в начале 1850-х годов) см.: ЦГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, № 132. Сведения об этом переводе см. там же, л. 111—113.